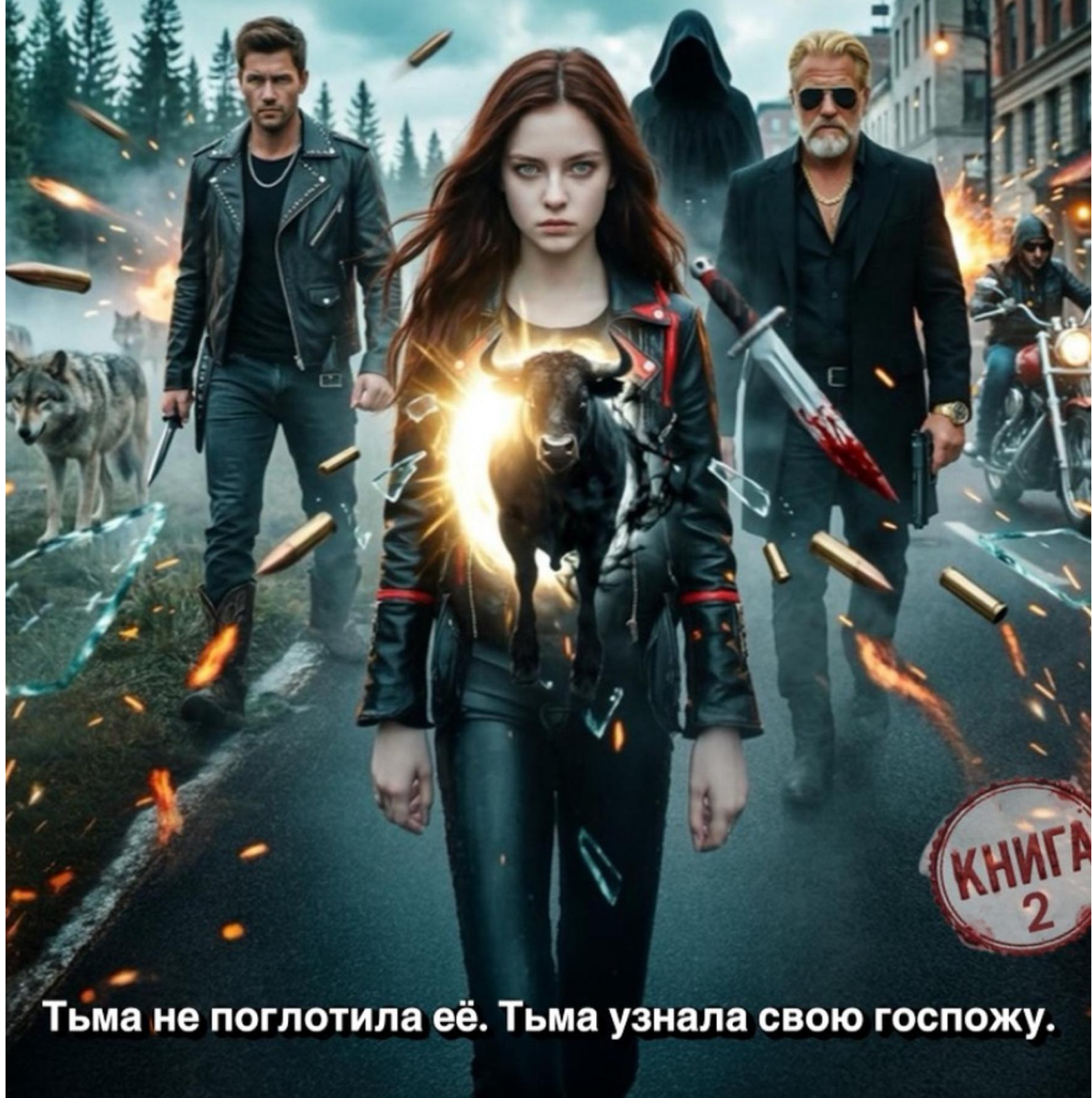

Яна Деева

КАРМА:

**Девочка, перед которой
склонялась сама тьма**

**КНИГА
2**

Тьма не поглотила её. Тьма узнала свою госпожу.

Яна Деева

**КАРМА: Девочка, перед
которой склонялась сама тьма**

«Автор»

2026

Деева Я.

КАРМА: Девочка, перед которой склонялась сама тьма /
Я. Деева — «Автор», 2026

Тьма не поглотила её. Тьма узнала свою госпожу. Март 1997-го. Лихие девяностые доживают последние дни. Для одиннадцатилетней Яны время философии прошло. В дело вступают сталь, свинец и адреналин. Из тени выходит Аид. Призрак криминального мира, который не просто хочет её убить - он хочет её забрать. Объявив тотальную войну её семье, он вынуждает Яну, Кира, Ника и их клан покинуть Москву. Впереди - жестокое роуд-муви по России: от подпольных клубов до заброшенных заводов. Кир и Ник готовы сжечь этот мир дотла. Аркадий точит скальпель. Но Аид всегда на шаг впереди, оставляя за собой трупы. Здесь решают доли секунды и инстинкты. Яна больше не ученица. Она - Карма. Что вас ждёт: Чистый экшн и драйв 90-х: аерестрелки, погони, черные «БМВ» и суровый криминал. Роуд-муви по России: от столиц до глухой тайги. Главная интрига: кто такой Аид? Разгадка перевернет всё. Пристегните ремни. Война началась. Погнали!!

© Деева Я., 2026

© Автор, 2026

Яна Деева

КАРМА: Девочка, перед которой склонялась сама тьма

Глава 1

ПРОЛОГ. КАК В КИНО

Читать под трек «Millennium Highway» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project

От лица Яны:

Я шла через двор особняка Тимура Сомегрэлло с пакетом из «Седьмого седьмого» несла мандарины, кофе в зернах и две пачки «Кэмела», потому что Кир попросил, а я почему-то никогда не умею отказывать. Вообще-то я должна была быть дома, готовиться к контрольной по математике, но Кир позвонил в пять утра и сказал «приезжай, надо», - и вот я здесь. Москва, март, 1997 год. Серое небо, мокрый асфальт, и я - в дурацких замшевых ботинках из маминой далекой Италии, которые промокли ещё на остановке, а еще говорили «качество».

Особняк Сомегрэлло - это такая громада из белого кирпича и мрамора, которая выглядит так, будто кто-то скрестил кремль с тортом. Колонны, лепнина, решётки с золотыми вензелями. А двор - мощёный, с фонтаном посередине (не работает, конечно, март же), старыми яблонями, клёнами и чугунными скамейками, на которых никто никогда не сидит, потому что это не тот двор, где сидят.

И вот я иду. Пакет в одной руке, сумка на плече, наушник в ухе - слушаю хьюстоновскую «Queen of the Night». Идеальный момент, чтобы наткнуться на два мужских силуэта в дальнем конце двора, которые стоят друг напротив друга с таким видом, будто сейчас начнётся что-то очень, очень глупое.

Я остановилась.

Ник - в чёрном. Всегда в чёрном. Тактические штаны, куртка с кучей карманов, ботинки на толстой подошве. Он стоял, чуть наклонив голову, - так он всегда стоит, когда думает. Или когда готовится убить. Сложно отличить. Лицо - как маска: ни одной эмоции, ни одного лишнего движения. Глаза тёмные, спокойные. Слишком спокойные. Как у человека, который уже всё решил.

Кир - наоборот. Широкий, седой, в расстёгнутой красной клетчатой рубашке поверх белой водолазки, с золотой цепью на шее, которую он носит с таким достоинством, будто это орден. Он улыбался. Конечно, он улыбался - Кир всегда улыбается, даже когда ему ломают нос. Ему сорок семь, и выглядит он на сорок семь, но носит это так, будто сорок семь - это не возраст, а звание.

Они стояли в десяти метрах друг от друга. Между ними - мокрый асфальт, опавшие прошлогодние кленовые листья и моя будущая мигрень.

О нет, - подумала я. - Опять.

- Так, - сказала я вслух, потому что иногда я разговариваю сама с собой, и 1997 год - это не повод стесняться. - Это что, опять из-за меня?

Ник не повернул головы. Кир - повернул, улыбнулся шире и развёл руками:

- Малая, ты как раз вовремя. Мы тут с Ником собирались обсудить кое-что. По-мужски.

- По-мужски - это ты двумя руками, а он - ногами? - спросила я.

Кир засмеялся. Звонко, от живота, запрокинув голову. Ник не засмеялся. Ник вообще не помню, чтобы смеялся.

- Нет, - сказал Кир, вытирая глаза. - По-мужски - это мы оба кулаками. И никто не падает. В идеале.

В идеале, - подумала я. - Какой оптимист.

И тут Ник пошёл.

Не побежал. Пошёл. Быстро, ровно, без рывка - просто начал сокращать расстояние, как будто пространство между ними было ошибкой, которую нужно исправить. Кир перестал улыбаться. Не сразу - улыбка слетела с лица, как осенний лист с ветки, - но я заметила. Я всегда замечаю, когда Кир перестаёт улыбаться. Это как когда в кино выключают музыку: ты понимаешь, что сейчас будет плохо.

Первый удар - я даже не увидела его. Услышала. Хряс-к! - звук, с которым кулак встречает что-то твёрдое, не лицо, а блок. Кир выставил предплечье, и удар Ника пришёлся в него, и я поняла это по тому, как дрогнул воздух. Не увидела - почувствовала. Как отдалённый гром.

Пакет с апельсинами дрогнул у меня в руке. Один апельсин выкатился и покатился по мокрому асфальту с таким невозмутимым видом, будто это его двор и его драка.

- Мерлин, - прошептала я.

Кир ушёл с линии удара - шаг влево, поворот - и ударил сам. Справа, прямой, тяжёлый. Ник уклонился, но не полностью: кулак Кира прошёл по скуле, и я увидела, как голова Ника дёрнулась. Звук был - как когда стучишь костяшкой по пустому глиняному горшку. Глухо. Пусто. Страшно.

Ник не издал ни звука. Ни звука. Просто вернул голову на место, будто это была деталь, которую кто-то сдвинул, а он поставил обратно, и пошёл дальше.

Он же не остановится, - подумала я, и сердце ушло в пятки, и ушло с такой основательностью, будто собралось там жить. - Он вообще не собирается останавливаться.

Дальше было быстро. Очень быстро. Быстрее, чем я успевала думать.

Ник нырнул под очередной удар Кира - тот замахнулся широко, с размаху, как рубят дрова, и Ника просто не оказалось на месте. Он ушёл вниз, в перекат, и я видела, как его плечо коснулось мокрого асфальта, как он перекатился - раз, - и ударил снизу, снизу вверх, кулаком, который появился словно из-под земли. Кулак вошёл Киру под рёбра. Точно. Глубоко.

Кир выдохнул - не крикнул, а именно выдохнул, как будто из него выкачали воздух насосом. Звук «уффх», мокрый, тяжёлый. И отступил. Один шаг. Два.

- Неплохо, - сказал Кир. Голос был ровный, но глаза - глаза стали другими. - Совсем неплохо для молодняка.

Молодняка?! - подумала я. - Ему тридцать два, Кир, он не молодняк, он просто выжидает, пока ты наболтаешься!

Ник не ответил. Конечно. Он уже двигался - короткими шагами, как боксёр, перестраиваясь, меняя угол. Его ноги в тактических ботинках шлёпали по мокрому асфальту с ритмичным чавканьем, и этот звук - я не знаю почему - был страшнее ударов. Будто метроном. Будто отсчёт.

А потом я посмотрела вверх.

В окне второго этажа, за тяжёлой шторой, - три силуэта. Один массивный, с трубкой. Это дедушка Фанси - я узнала по тому, как он держит трубку, с локтем наружу, как аристократ на охоте. Второй - Тимур Сомегрэлло. Хозяин этого цирка. Я видела только контур: широкие плечи, гладко зачёсанные волосы, руки скрещены на груди. Он смотрел на драку во дворе своего дома так, как смотрят на шахматную партию, где обе фигуры - его.

А между ними, чуть сбоку - третий. Худой, в очках. Сократ. Да, его все зовут Сократом, и нет, это не тот древний Сократ, хотя наш тоже всё время что-то говорит. Он философ. Настоящий, насколько это бывает в криминальном мире. Читает книги. Много книг. И в любой момент может вставить фразу, после которой все молчат - не потому что глубоко, а потому что не знают, что ответить.

- «Война - это путь обмана», - произнёс Сократ, глядя вниз. Голос тихий, носовой, с лёгким кавказским акцентом. - Сунь-цзы, братцы. Тот, кто осторожен, побеждает. Тот, кто яростен, гибнет.

Дедушка Фанси выпустил дым. Тимур не шевельнулся.

Спасибо, Сократ, - подумала я. - Очень вовремя.

А в это время во дворе:

Кир выпрямился. Потёр рёбра - там, куда ударил Ник Удав, - и усмехнулся. Усмехнулся так, как умеет только Кир: криво, с болью, но с удовольствием, будто боль - это часть развлечения.

- Знаешь, Удав, - сказал он, и голос стал другим - тише, мягче, почти интимным, будто они не дрались, а сидели на кухне. - Я вот сейчас подумал. Стою тут, кричу. И думаю: а ведь жизнь - она как река, знаешь? Нельзя войти в одну воду дважды. Каждый миг уникален. Каждый удар - неповторим.

Пауза. Он сплюнул кровь на асфальт.

Ник сделал шаг. Молча. Он не слушал. Или слушал, но не считал нужным реагировать. Что, в принципе, одно и то же с Ником - отсутствие реакции и есть реакция. Самая красноречивая.

Удар. Ещё удар. Быстрая серия - два левой, один правой. Кир блокировал первый, пропустил второй (по плечу), ушёл от третьего. Кир двигался хуже Ника - тяжелее, медленнее, - но он держал удары. Он держал удары так, как держат старые дома: что-то внутри сыплется, но фасад стоит.

- Ты злишься, Ник, - сказал Кир, и теперь в голосе было издевательство, тонкое, профессиональное. - Злишься, потому что я с ней разговариваю. И мне это удастся легко. Потому что я ей звоню. Потому что я ей нравлюсь.

Ник ударил. Быстро. Больнее. Кир покачнулся.

- Потому что я ей нравлюсь, - повторил Кир, уже тише, уже с хрипом, но с той же усмешкой. - А ты - нет. Ты ей нравишься как друг. Как телохранитель. Как... крайний вариант.

Кир, - подумала я, сжимая сумку так, что ремень впился в плечо. - Кир, заткнись. Заткнись, ради бога, он же тебя убьёт, и я буду стоять тут с пакетом мандаринов и смотреть, как тебя убивают, и мне потом всю жизнь с этим жить.

Ник не ударил. Он остановился. Посмотрел на Кира. Долгий взгляд - секунда, две, три, - и в этом взгляде было всё то, чего не было в его словах за последние месяцы. Всё. Я увидела это. Я увидела это и забыла, как дышать.

А потом он ударил.

Это был не просто удар. Это была комбинация, и я увидела её целиком - как видишь фейерверк: не детали, а всю вспышку разом.

Ник шагнул влево - Кир сместился за ним - и тут Ник сделал что-то, от чего я моргнула. Он схватил Кира за запястье, развернулся, пригнулся - и бросил. Через себя. Через плечо. Бросок был такой - не знаю, как описать, - Кир взлетел.

КИР ВЗЛЕТЕЛ!!

Сорокасемилетний патриарх криминального мира, с цепью на шее и манерами русского барина, - взлетел над плечом тридцатидвухлетнего наёмника и рухнул на чугунную скамейку.

Скамейка - звякнула! - как клавиша ксилофона. Чугун и кости - звук, который я не забуду. Металлический, гулкий, с хвостом-эхом, ушедшим в кирпичные стены двора.

Я - с открытым ртом.

Боже мой, - подумала я. - Он бросил его на скамейку. Он бросил Кира на скамейку. Это... это же как из фильма. Это не бывает в жизни. В жизни люди дерутся в подвальных проходах и ломают друг другу носы, а не бросают друг друга на чугунные скамейки во дворах особняков.

Кир лежал. Секунду. Две. Я уже хотела закричать - что-нибудь, «стойте», «хватит», «я вызываю милицию» (хотя какую милицию, тут Тимур Сомегрэлло, тут не вызывают милицию). Но Кир - поднялся. Медленно, с хрустом в коленях, держась за поясницу. Поднялся, потрогал спину, поморщился - и рассмеялся.

- Ох, - сказал он, всё ещё смеясь. - Ох, Ник. Ты ведь понимаешь, что за эту скамейку Тимур тебя убьёт? Это антиквариат. Девятнадцатый век. Александра Второго. Её из Царского Села везли.

Он обсуждает антиквариат, - подумала я. - Ему чуть позвоночник не сломали, а он обсуждает антиквариат!!

Сверху, из окна, - голос Сократа:

- «В армии нет постоянной формы победы». А значит - и поражения тоже.

Дедушка Фанси выпустил ещё один клуб дыма. Тимур - всё так же - молча стоял, скрестив руки.

Кир стоял, покачиваясь. Дышал тяжело - я слышала. Хрип, свист, ещё хрип. Как у старого кузнечного меха. Но улыбался. Конечно.

- Ладно, - сказал он. - Ладно. Маладэц. Бросил старика на скамейку. Будет что-то вспомнить в старости. Если доживу, конечно. Что, учитывая нашу компанию, - вопрос.

Ник молча подошёл ближе. Меньше двух метров. Опасная дистанция. Я это знала - не откуда-то, просто чувствовала. Каждая клетка моего тела кричала: «беги», «закрой глаза», «упади на землю и притворись мандарином».

Если бы я была героиней книги, - подумала я, - я бы сейчас сделала что-то умное. Как в «Карме» — той книге Яны Деевой, которую я прочитала за один присест в августе. «Карма: История девочки, перед которой замирали авторитеты». Там девочка - она просто стояла, и все замирали. Просто - стояла. И этого было достаточно. Красиво. Мощно. Я - не та девочка. Я стою с пакетом мандаринов, и один из них всё ещё катится по асфальту.

Кир ударил. Без предупреждения. Без замаха. Просто - удар, левой, быстрый, из стойки, который пришёл снизу - апперкот - и попал Нику в подбородок.

Звук - хрясь! - сухой, костяной. Как щелчок. Нога Ника оторвалась от земли - на секунду, на долю секунды, - и я увидела, как его голова откинулась назад, и я увидела небо между его подбородком и грудью, и я увидела, - я увидела, что он не падает.

Он не падает!

Ник молниеносно ударил - в ответ, той же рукой и с той же скоростью. Кулак вошёл Киру в грудь. Тяжело. Снизу. И Кир отступил. Три шага. Четыре. Споткнулся о край скамейки - той самой, антикварной, из Царского Села и устоял. Устоял, потому что схватился за спинку, и стоял так, вполоусогнутый, с окровавленным ртом и горящими глазами.

И они смотрели друг на друга. Оба. Два силуэта на мокром сером асфальте, под серым мартовским небом, между двумя старыми клёнами, которые, казалось, наклонились, чтобы лучше видеть.

Тишина. Настоящая, плотная, как вата.

И в этой тишине - звук. Маленький, нелепый, абсурдный. Мандарин, который выкатился из пакета, докатился до ботинка Кира и остановился. Тихо. Невинно. Будто это его касается.

Кир посмотрел вниз. На мандарин. Потом - на меня. Потом - снова на фрукт. Нагнулся. Поднял. Медленно, с хрустом в пояснице. Повертел в пальцах - окровавленных, содранных костяшках. Посмотрел на Ника.

И сказал:

- Вот. Вот, Ник. Это - знак. Судьба прислала мне мандарин. Мандарин, понимаешь? Золотой плод. Символ солнца и жизни. Символ того, что даже в самой тёмной битве есть свет, надежда и даже витамин С.

Пауза.

- И, кстати, это хороший мандарин. Марокканский!

Я слышала свой голос раньше, чем поняла, что говорю:

- Да ты шутишь...

Кир повернулся ко мне. С оранжевым фруктом в руках и окровавленной улыбкой. С выражением лица человека, который только что произнёс философский трактат о цитрусовых.

- Яночка, - сказал он серьёзно. - Я никогда не шучу. Кроме тех случаев, когда шучу. Что бывает часто. Но не сейчас. Сейчас - это экзистенциальный момент.

- Это что, финал? - спросила я, и мой голос был тоньше, чем я хотела. - Вы оба... Вы оба стоите тут, один - с мандарином, другой - молчит, и это... это финал?

Ник выдохнул. Длинно, через нос. Посмотрел на Кира. И впервые за всё время, что я их знала сделал шаг к нему. Не удар. Шаг. Протянул руку.

Кир посмотрел на руку. Потом на Ника. Потом на мандарин. Потом снова на руку.

- Ну, - сказал Кир, - раз ты не собираешься меня добивать, - он вложил фрукт в протянутую ладонь Ника, - понеси. У меня руки в крови.

И Ник - взял. Посмотрел на него. Ухмыльнулся чуть.

Я открыла рот от удивления!

И в этот момент они просто - засмеялись. Оба. Одновременно. Как два идиота, которые только что избili друг друга до полусмерти и вдруг поняли, что это было... весело. Кир хлопнул Ника по плечу - тяжело, с хрустом. Ник хлопнул Кира по спине - короче, сдержаннее, но тоже хлопнул.

Они хлопают друг друга по спине, - подумала я. - Они. Хлопают. Друг друга. По спине. Они только что секунду назад пытались убить друг друга - и вот - хлопают. Невероятные!

Сверху, из окна, Сократ не мог не вставить свои пять копеек:

- «Победа - это главное в войне. Если бой затяжной и не приносит победы, оружие тупеет, а мораль падает».

- Закрой окно, - наконец сказал Тимур. Голос - ровный, густой, как у человека, который привык, что его слушают. - Достаточно.

Дедушка Фанси кивнул. Трубка погасла.

Они шли ко мне. Оба. Медленно, прихрамывая, в мокрой одежде, с разбитыми лицами. Кир - впереди, Ник - на полшага позади. Два силуэта, на фоне серого неба, - как на фотографии, которую я никогда не сделаю, но буду помнить всю жизнь.

Кир - с улыбкой. Ник - без улыбки, но с чем-то похожим. Не улыбка. Скорее - тень облегчения. Или - тень чего-то, что он никогда не назовёт.

Они остановились передо мной. Два метра. Полтора. Два израненных, мокрых, дурацких, красивых мужчин.

Кир развёл руки - жестом, который одновременно означал «ну вот» и «ну как?». Ник - чуть наклонил голову. Молчали. Оба. И в этом молчании - в этой паузе, в этом провале между двумя сердцебиениями - был вопрос. Не произнесённый. Не нуждающийся в словах. Вопрос, который я читала в их глазах, в их позах, в том, как Кир чуть повернулся к Нику, а Ник чуть повернулся ко мне.

Кто был круче? Кто был любимее?

Кто, Яна?

Ну?

Я посмотрела на Кира. На его разбитую губу, на кровь на подбородке, на золотую цепь, которая висела криво, как неровный месяц. Посмотрела на Ника. На его тёмные глаза, на молчание, на мандарин - мой, марокканский - в его руке.

Я медленно опустила пакет на землю. Поправила сумку на плече. Выпрямилась.

И - достала телефон. Тяжёлый, чёрный, «Нокия 5110». Типа набрала номер. Поднесла к уху.

- Алло? - сказала я. - Скорая? Да. Два парня. Ушибы, ссадины, возможно, перелом рёбер. Нет, не опасно. Нет, не умирают. Просто... дурачки.

Кир моргнул. Ник моргнул. Одновременно. Я не видела, чтобы Ник моргал, - но он точно моргнул.

- Дурачки, - повторила я в трубку, глядя им обоим в глаза. - Конкретно - два дурачка. Один постарше, один помоложе. Дерутся из-за девочки. Нет, не из-за меня. Ну... да, из-за меня.

Кир открыл рот. Закрыл. Открыл. Это - впервые. Кир, который всегда находит слова, - не нашёл.

Ник - посмотрел на мандарин в своей руке. Посмотрел на меня. И - впервые за сегодня на моих глазах - уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Но - дрогнул.

Кир, который секунду назад не нашёл слов, - нашёл одно:

- Малая...

- Нет, - сказала я. - Молчи. Оба. Молчите. Вы... - я набрала воздуха. Выдохнула. Сердце колотилось, но голос был ровный. - Вы оба. Сегодня. Дрались. Из-за меня. И знаете что? Ни один из вас не выиграл. Ни один. Знаете, что это значит?

Пауза. Оба дышали. Тяжело, выжидали.

Внезапно голос сверху из окна Сократа:

- «Если знаешь врага и знаешь себя, не страшись ста сражений»

- ЗАТКНИСЬ, СОКРАТ! - крикнула я, задрав голову.

Окно мгновенно закрылось.

- Вечером, - сказала я. - Вечером оба. В семь. У метро «Беляево». Пойдём в кино. Вместе. И если хоть один из вас... хоть один... - я подняла палец, - ...задерётся, я уйду.

Развернулась. Пошла.

Я шла к выходу. Мокрые ботинки шлёпали по асфальту. Сумка била по бедру. За спиной - два силуэта, две тени, два разбитых мужчин, которые сейчас, наверное, смотрят мне вслед и не знают, что сказать. Один - потому что слова кончились. Другой - потому что они никогда не кончаются, но сейчас - не те.

Двор был пуст. Фонтан - молчал. Клёны - стояли. Всё было тихо.

И я - шла, и улыбалась, и сердце моё всё ещё было в пятках, но понемногу поднималось. Сантиметр за сантиметром. Удар за ударом.

И всё-таки - я оглянулась. Один раз. Последний.

Кир стоял, приложив окровавленный мандарин к разбитой губе, как прикладывают лёд. Ник стоял рядом.

И тут Кир повернулся ко мне. Поднял руку. Улыбнулся - сквозь кровь, сквозь боль, сквозь всю абсурдность этого серого мартовского дня и помахал.

Я не ответила. Но прибавила шаг.

Потому что знала: вечером, метро «Беляево», двое дурачков с разбитыми лицами, одно кино, и я.

Дверь ворот особняка закрылась за спиной. Тихо. Окончательно.

Но это - только начало.

ГЛАВА 1. ПОЛОНЕЗ ДЛЯ МЁРТВЫХ

ДК «Меридиан» пах старой штукатуркой, пыльными бархатными шторами и тем особенным запахом, который бывает только в советских дворцах культуры - смесью хлорки, натертого паркета и чьих-то чужих амбиций, въевшихся в стены за десятилетия.

Яна стояла в третьем ряду, чувствуя, как скрипит под ногами старый паркет зала хореографии. Ей было все еще одиннадцать, но в этот момент она ощущала себя бесконечно уста-

лой. Не физически - тело помнило каждое движение, каждая мышца работала как отлаженный механизм. Устала душа. Устала от того, что приходилось играть роль обычной девочки, когда внутри кипела совсем другая жизнь.

Мать Яны, недавно вернувшаяся из Италии, словно вознамерившись завоевать титул «Мать года», записала дочь на занятия по хореографии в местном доме культуры. Яна вовсе не разделяла энтузиазма родительницы, но устоять перед натиском не смогла: мать твёрдо стояла на своём, упрекая дочь в том, что та вечно пропадает невесть где, а танцы, дескать, помогут приобщиться к прекрасному.

Спустя неделю после памятных событий восьмого марта и возвращения из Грузии Яна уже исправно посещала занятия - четыре раза в неделю. Эти уроки казались ей невыносимой повинностью.

Преподавательницу звали Татьяной, но отчество её Яна так и не сумела запомнить - оно звучало пугающе, словно эхо из мрачных легенд: то ли Архистраховна, то ли Альбатросовна, то ли Генриховна... Да и не имело это никакого значения. Высокая, чрезвычайно худощавая женщина поражала своей угловатой статью: вместо округлых форм - острые выступы костей, а ноги казались неправдоподобно длинными. Когда она исполняла пируэты, порой возникало жутковатое ощущение, будто она вот-вот закинет ногу себе на шею и обернётся ею, словно шарфом.

Яна изо всех сил тянула носок, устремляя его куда-то вдаль - в сторону северных районов Москвы (по крайней мере, именно так ей представлялось). Там, в той стороне, её ждали Тимур и все остальные. Пот струился по её лицу и спине, заливая глаза, а в душе вскипала тёмная, первобытная стихия - будто пробуждалась древняя сила кармы, готовая испепелить всё на своём пути. В эти минуты Яна ненавидела весь мир.

- Карманова! - голос педагога, бывшей балерины Большого с исковерканным артритом коленом, разрезал воздух зала. - Ты опять витаешь в облаках! Смотри на ноги! Полонез - это не вальс, это марш королей! Достоинство! Осанка!

Яна кивнула, выпрямляя спину. Зеркальная стена отражала двадцать девочек в черных купальниках и белых гетрах. Все они старались. Все они хотели. Но только одна из них знала, каково это - действительно стоять перед королями ее мира. И смотреть им в глаза, не моргая.

Музыка заиграла снова. Торжественная, медленная, с той самой имперской мощью, от которой хочется либо поклониться, либо бежать. Яна сделала шаг вперед, подняла руку, повела партнершу - высокую, неуклюжую Лену - в сложном рисунке полонеза.

Внутри зала, где отражался свет из потолочных люминесцентных ламп, Яна танцевала не как обычный танцор, а как воин, чья душа разорвана между двумя мирами. Каждый шаг - это баланс между светом и тенью, каждый поворот - словно умение уворачиваться от клинка, который никогда не был в руках. Ее пальцы, как стальные нити, удерживали ритм, а в глазах - холодный огонь, который не боялся ни тьмы, ни лжи.

Внезапно энергия воздуха изменилась.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался шум неприветливого ветра. Яна не обернулась. Ее тело, словно сталь, не дрогнуло, но каждый нерв в ее теле засвистел, как стрелы, готовые вылететь. В периферийном зрении она видела троих: лысого, с золотой цепью, которая казалась жестяной удавкой на его шее; худого с лицом, покрытым шрамами, и глазами, которые не моргали, словно у змеи; и гиганта с бычьей шеей, чьи руки могли разбить камень.

- Карма? - прорычал лысый, его голос был хриплым, как дождь по стеклу, с акцентом, который в Москве означал только одно: конец. Конец детству обычной девочки. - Здравствуй, Карма!

Яна медленно опустила руку. Ее глаза, пронзительные и спокойные, встретились с его взглядом. Не с вызовом, не с страхом - с холодной уверенностью, которая заставляла сердце биться в такт ее внутреннему ритму.

- Ждите снаружи. Пять минут.

Худой усмехнулся, но его смех был сухим, как треск сухого дерева. Они кивнули и вышли.

- Карманова?! - удивленно прошептала учительница. - Что происходит?

Яна молча прошла мимо нее, не оглядываясь. Было бессмысленно что либо объяснять. После событий зимы она уже это поняла. Проще игнорировать.

Ее пальцы слегка сжимались и разжимались в такт шагам. Она прошла в раздевалку, быстро переоделась и уже считала расстояние до выхода, количество людей, варианты. Три против одной. Без оружия. В открытом пространстве. Плохие шансы, но не безнадежные.

Она вышла на парковку. Мартовский ветер обдавал ее холодом, но она не чувствовала его. Воздух пах талым снегом и выхлопами. Черный «Мерседес» стоял у обочины, стекла тонированные, как глаза хищника.

- Садись, - сказал лысый.

Яна посмотрела на машину, потом на троих, потом снова на машину:

- Нет.

Худой нахмурился:

- Что значит нет?

- Я не сажусь в машины с людьми, которых не знаю, - ответила она, скрестив руки на груди. - Говорите здесь. Или я уйду.

Лысый усмехнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

- Смелая, - сказал он. - Ладно. Говорим здесь.

Он достал пачку сигарет, закурил. Дым смешивался с холодным воздухом.

- Нам нужна твоя помощь, девочка.

- Дальше. - Холодно ответила она.

Худой, будто бы не услышав её, шагнул вперед:

- Потому что если не поможешь, будут проблемы. Большие проблемы.

Яна медленно покачала головой:

- Вы неправильно начинаете разговор. Если вы пришли просить помощь, нужно начинать с «пожалуйста». А не с угроз.

Огромный за спиной фыркнул:

- Девочка, ты знаешь, с кем говоришь?

- Знаю, - Яна посмотрела на него. - С людьми, которые не умеют просить.

Лысый медленно выдохнул дым.

- Окей, мелкая, - сказал он. - Пожалуйста. Нам нужна твоя помощь.

Яна кивнула. Молча.

Лысый посмотрел на худого. Тот слегка заикаясь промямлил:

- У нас... это... проблема. Серьезная... такая... это... ну, проблема. Человек, который называется Аид...

Яна замерла. Внутри нее что-то сжалось. Аид. Это имя она слышала. От Фанси. От Тимура и от Аркадия. Имя, которое произносили шепотом. Имя, которое означало смерть.

- Ну и что там с Аидом? - спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Он пришел к нам, - худой начал говорить быстро, нервно. - Пришел и сказал: либо вы работаете на меня, либо вас не станет. Мы отказались. Он дал нам три дня. Сегодня последний день.

Яна медленно кивнула.

- И что вы хотите от меня?

- Мы знаем, что ты связана с Тимуром, - лысый смотрел на нее внимательно. - С его людьми. Даже с Киrom Ивановым и Удавом. Мы хотим, чтобы ты поговорила с ними. Чтобы они помогли нам.

- Почему я должна это делать? - Яна наклонила голову. - Ваш долбаный Аид - не моя проблема.

- Твоя, - лысый шагнул ближе. - Потому что если он заберет нас, он придет за вами следующими. Ты думаешь, он остановится? Он не остановится. Он идет за всеми.

Яна молчала. Она думала. Считала варианты. Взвешивала риски.

- Решение будет через час, - наконец сказала она. - Я поговорю с ними. Но не обещаю ничего.

Лысый кивнул.

- Ждем звонка.

Он развернулся и пошел к машине. Худой и огромный последовали за ним. Дверь захлопнулась. Машина тронулась, растворившись в сером мартовском дне.

Яна осталась стоять одна на парковке. Холодный ветер бил в лицо, но она не чувствовала его. Она чувствовала только одно: время заканчивалось.

Она достала телефон. Нажала одну кнопку.

- Кир, - сказала она, когда он ответил. - Мне нужно увидеться с тобой. Срочно.

- Где ты? - голос Кира был напряженным.

- Меридиан.

- Мы уже едем, - Кир сказал это так, как будто ждал этого звонка. - Пять минут.

Яна убрала телефон. Посмотрела на серое небо.

Пять минут.

У нее было пять минут, чтобы решить: ввязываться в войну, которая не была ее войной. Или отступить и позволить другим решать свои проблемы.

Она знала ответ. Всегда знала.

Карма не отступает.

Кир приехал, естественно, не один. Все, что касалось Яны - автоматом касалось и Кира с Ником. Так они решили.

Черный внедорожник остановился у парковки с визгом тормозов. Дверь открылась, и вышел Кир - в кожаной куртке, с лицом, на котором читалась ярость. За ним вышел Ник - тихий, темный, с глазами, которые сканировали периметр быстрее, чем камера.

Яна стояла у двери ДК, скрестив руки на груди.

- Что случилось? - Кир подошел быстро, его голос был резким.

- Бандиты, - Яна говорила спокойно, хотя внутри все кипело. - Трое. Пришли просить помощь.

Ник замер. Его темные глаза сузились.

- Какие бандиты?

- Не знаю имен. Но один лысый, второй худой, а третий огромный молчун. - Яна покачала головой. - Они сказали, что к ним пришел Аид. Дал три дня. Сегодня последний.

Кир медленно выдохнул. Его рука сжалась в кулак.

- Аид, - прошептал он. - Он вышел из тени.

- Они хотят, чтобы вы помогли, - Яна смотрела на Кира. - Говорят, если он заберет их, придет за вами следующими.

Ник медленно покачал головой.

- Это ловушка, - тихо сказал он. - Слишком удобно. Слишком просто.

- Может быть, - Яна кивнула. - Но если это не ловушка? Если Аид действительно начал войну?

Кир посмотрел на нее. В его глазах читалась борьба.

- Малая, - тихо сказал он. - Ты понимаешь, что это значит? Если мы ввязываемся, пути назад не будет.

- Я понимаю, - Яна смотрела на него прямо. - Но если мы не ввязываемся, мы проиграем. Аид не остановится. Он идет за всеми.

Ник медленно подошел ближе.

- Где они? - спросил он.

- Уехали, - Яна указала на парковку. - Дали час. Ждут звонка.

Кир медленно кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Мы встретимся с ними. Но не здесь и не сейчас. Сначала нужно понять, что происходит.

Он достал телефон, набрал номер.

- Тимур, - сказал он, когда тот ответил. - У нас проблема. Аид вышел из тени.

Пауза. Долгая.

- Где? - голос Тимура был холодным, как лед.

- Москва. Меридиан. Бандюки пришли к Яне.

Еще пауза.

- Вези ее домой, - сказал Тимур. - Сейчас. Я выезжаю.

Кир убрал телефон.

- Поехали, - сказал он Яне. - Домой.

Они сели в машину. Кир за руль, Ник рядом, Яна сзади. Машина тронулась, вливаясь в поток.

Яна смотрела в окно. Город мелькал серыми фасадами, мокрым асфальтом, спешащими людьми. Обычная жизнь. Обычный день. Но внутри нее кипела война.

- Кир, - тихо сказала она. - А что если это действительно ловушка?

Кир посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

- Тогда мы попадем в нее, - сказал он. - И покажем им, что значит связываться с нами.

Ник медленно кивнул.

- Они не знают, с кем связались, - тихо сказал он.

Яна улыбнулась. Улыбка была кривой, опасной.

- Нет, - сказала она. - Не знают.

Дом встретил их тишиной.

Квартира на семнадцатом этаже была погружена в полумрак. Тимур уже был там - сидел в кресле, курил трубку, его лицо было каменным. Рядом стоял Сократ, его книга была закрыта, очки сняты. Фанси перебирал четки, его глаза были полужакрыты. Раф стоял у двери, невидимый, но абсолютно присутствующий.

И Аркадий.

Он стоял в углу, сливаясь с тенью. Его темные глаза были устремлены на Яну. В них читалось что-то похожее на гордость. А Яна, увидев его, чуть слышно выдохнула: с ними маньяк - значит дело выгорит.

- Ну, - голос Тимура прозвучал как удар кнута. - Рассказывай.

Яна коротко, сухо изложила события. Меридиан. Полонез. Трое бандитов. Аид. Три дня. Последний день.

Тимур слушал, не перебивая. Его лицо оставалось каменным, но в глазах плескался шторм.

- Аид, - тихо сказал он, когда Яна закончила. - Он наконец-то показал лицо.

Сократ медленно кивнул.

- Это неизбежно, - сказал он. - Он не мог оставаться в тени вечно. Рано или поздно он должен был сделать ход.

- Почему сейчас? - Кир стоял у окна, его рука лежала на рукояти пистолета.

- Потому что он понял, - Фанси медленно поднял голову. - Понял, что время работает против него. Чем дольше он ждет, тем сильнее становится она.

Он посмотрел на Яну.

- Ты растешь, внучка. С каждым днем. С каждым выбором. С каждой победой. И он это чувствует.

Аркадий медленно вышел из тени.

- Он боится, - тихо сказал он. - Боится того, кем ты станешь. Боится того, кто ты уже есть.

Яна посмотрела на него.

- И что мы будем делать?

Тимур медленно вынул трубку изо рта.

- Мы встретимся с ними, - сказал он. - Послушаем, что они скажут. Поймем, что знает Аид. А потом... потом мы решим.

- А если это ловушка? - Ник стоял у двери, его темные глаза сканировали комнату.

- Тогда мы захлопнем ее, - Тимур медленно усмехнулся. - И покажем им, что значит играть с нами.

Яна медленно кивнула.

- Хорошо, - сказала она. - Но я иду с вами.

Кир резко обернулся.

- Нет, - сказал он. - Ты остаешься здесь.

- Нет, - Яна посмотрела на него прямо. - Я иду. Это моя война тоже.

Тимур медленно поднял голову.

- Она права, - тихо сказал он. - Если Аид пришел за ней, она должна быть там. Должна видеть и понимать.

Кир медленно выдохнул.

- Хорошо, - сказал он. - Но ты остаешься позади. Не лезешь вперед. Поняла?

- Поняла, - Яна кивнула.

Ник медленно подошел к ней.

- Я буду рядом, - тихо сказал он. - Всегда.

Яна посмотрела на него. В его темных глазах читалась та самая нежность, которую он прятал от всего мира.

- Знаю, - прошептала она.

Тимур медленно встал.

- Через час, - сказал он. - На нейтральной территории.

- Где? - спросил Кир.

- В гаражах, - Тимур посмотрел на Аркадия. - Там, где все началось.

Аркадий медленно усмехнулся.

- Круг замыкается, - тихо сказал он.

Яна медленно кивнула. Она чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Что-то проросло. Как семя под снегом, которое чувствует весну раньше времени.

Война начиналась.

И она была готова.

Гаражи встретили их не просто тишиной - они встретили их плотным, осязаемым молчанием, которое висело в воздухе, как дым от тлеющего костра.

Бетонные коробки стояли рядами, их ржавые замки поблескивали в редком свете единственного фонаря, который мигал, словно умирающее сердце. Запах был всё тот же - бензин, сырость, машинное масло и что-то ещё, что-то неуловимое, что нельзя было назвать одним словом, но что обязательно присутствовало в каждом вдохе.

Это был запах войны.

Яна шла между Киром и Ником. Кир слева, его рука лежала на рукояти пистолета. Ник справа, его темные глаза сканировали каждый угол, каждую тень. Тимур шел впереди, его трубка дымилась в холодном воздухе. Сократ и Фанси шли позади, их шаги были тихими, но уверенными. Раф замыкал колонну, невидимый, но абсолютно присутствующий.

И Аркадий.

Он шел рядом с Яной, его темные глаза были устремлены вперед. В них читалось что-то похожее на предвкушение.

Бандиты уже ждали.

Трое мужчин стояли у того самого «Москвича», у которого Яна встречалась с Аркадием в прошлый раз. Лысый курил, худой нервно переминался с ноги на ногу, огромный стоял неподвижно, как скала.

Тимур остановился в пяти метрах от них.

- Ну, - сказал он. - Говорите.

Лысый медленно выдохнул дым.

- Нам нечего терять, - сказал он. - Аид дал нам три дня. Сегодня последний. Мы отказались работать на него. Теперь он придет за нами.

- И что вы хотите от нас? - Кир стоял рядом с Тимуром, его лицо было каменным.

- Защиты, - худой говорил быстро, нервно.

Тимур медленно кивнул.

- А что вы знаете об Аиде? - спросил он. - Кто он? Откуда? Чего хочет?

Лысый медленно покачал головой.

- Ничего, - сказал он. - Никто ничего не знает. Он как призрак или тень. Появляется, говорит, исчезает. Никто не видел его лица. Никто не знает, где он живет. Никто не знает, кто он.

Ник медленно подошел ближе.

- Но вы видели его, - тихо сказал он. - Когда он приходил к вам. Что вы видели?

Худой медленно выдохнул.

- Черный балахон, - сказал он. - Лицо скрыто. Голос... голос был как металл. Холодный. Мертвый.

Яна медленно кивнула. Она знала это описание.

- И что он сказал? - спросила Яна.

Лысый посмотрел на нее. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

- Он сказал: либо вы работаете на меня, либо вас не станет, - сказал он. - Три дня. Сегодня последний.

- Хватит крутить. Говори всё, — Тимур смотрел на него прямо и говорил коротко и жестко.

И Лысый начал говорить. Быстро, нервно, сбивчиво. О том, как Аид пришел к ним. О том, что он сказал, что требовал и как он угрожал.

Яна слушала. Внимательно. Каждое слово. Каждую деталь.

И вдруг она поняла.

- Стоп, - тихо сказала она.

Все обернулись.

- Что? - Кир посмотрел на нее.

- Он не пришел к вам три дня назад, - Яна медленно покачала головой. - Он пришел к вам неделю назад.

Лысый замер.

- Что? - прошептал он.

- Вы солгали, - Яна смотрела на него прямо. - Вы солгали, чтобы мы подумали, что времени мало. Чтобы мы приняли решение быстро. Без раздумий.

В гаражах повисла тишина. Абсолютная. Звонящая.
Тимур медленно повернулся к мужчинам.
- Это правда? - тихо спросил он.
Худой затрясся:
- Да. Неделя. Он пришел неделю назад.
Кир медленно выхватил пистолет. Дуло оказалось направленным прямо в лицо худого.
- Зачем соврал, палаль? - прорычал он.
Худой медленно поднял руки.
- Потому что мы боялись, - сказал он.
Ник медленно подошел ближе.
- Вы втянули нас в это, - тихо сказал он. - Использовали нас.
- Нет, - лысый медленно покачал головой. - Мы не использовали. Мы просто...
Яна слушала. И вдруг она услышала это.
Шаги.
Множественные шаги. Со всех сторон.
Она медленно подняла голову. Посмотрела на Кира. Он уже слышал. Посмотрела на Ника. Он уже знал.
- Ложись! - крикнула Яна.
Но было поздно.
Из темноты гаражей появились люди. Много людей. В черной форме, в масках, с автоматами наготове. Они окружили их со всех сторон. Выхода не было.
Кир выхватил пистолет, но дул было слишком много. Ник уже двигался, его нож появился в руке из ниоткуда. Тимур медленно поднял руки, его лицо оставалось каменным.
И в этот момент из темноты вышел ОН.
Человек в черном балахоне. Лицо скрыто. Голос как металл.
Аид.
Он медленно подошел ближе. Остановился в пяти метрах от Яны.
- Ну, - сказал он, и его голос прозвучал как приговор. - Наконец-то мы встретились.
Яна медленно подняла голову. Посмотрела на него прямо.
- О, вспомнишь го... э-э-э, - театрально замялась Яна. Кир пихнул её в бок.
Аид медленно усмехнулся. Звук был сухим, неприятным.
- Ты знаешь, кто я? - спросил он.
- Чувак в капюшоне? - издевательски спросила Яна.
Аид медленно кивнул, улыбаясь.
- Я пришел за тобой. Но не так, как ты думаешь.
- А как? Что-то каблуков не видно? - Яна наклонила голову. Кир снова пихнул её в бок.
Аид медленно поднял руку. Указал на нее.
- Я пришел, чтобы показать тебе правду, - сказал он. - Правду о тебе. О том, кто ты на самом деле.
Яна медленно покачала головой.
- Ой, напугал, чувак в капюшоне с комплексом ребенка - ты себя-то покажи, гномик! - засмеялась она.
- Шутишь? Шути пока я добрый, - Аид медленно покачал головой. - Ты не знаешь кто ты. Ты думаешь, что ты Карма. Думаешь, что ты старая душа и что ты балансируешь между светом и тьмой. Но ты не знаешь правды.
- Какую правду? - Яна смотрела на него прямо как на умственно отсталого человека, - такую, что тебе пора в дурдом? Заигрался да, дядя?
Аид медленно усмехнулся и пробормотал почти про себя, чуть восхитившись: «Смелая!».

- Правду о том, что ты не Карма, - тихо сказал он. - Ты нечто большее. Нечто худшее. Нечто, чего этот мир не видел никогда.

В гаражах повисла тишина. Абсолютная. Звонящая.

Яна медленно кивнула.

- И что же я? - спросила она. - О! Может я тучка? Я тучка, тучка, тучка и больше не медведь...

Аид медленно поднял обе руки. Развел их в стороны, прося её, тем самым, вежливо заткнуться.

- Ты думаешь, ты несешь справедливость, - голос Аида прозвучал снова. Он не был громким, но в замкнутом пространстве гаража он звучал так, словно исходил отовсюду сразу. Металлический, лишенный малейшей дрожи. - Ты думаешь, ты восстанавливаешь баланс. Но ты слепа, девочка. Ты не Карма. Карма - это механизм. А ты... ты темное зло. Ты - конец всего, что знает этот мир. Ты пришла не для того, чтобы лечить. Ты пришла, чтобы сжечь этот мир дотла!

Слова падали медленно, как тяжелые камни в воду.

Кир напрягся, его рука медленно, почти незаметно скользнула к кобуре. Ник сделал шаг вперед, его тело почти заслоняло Яну, но она мягко, но настойчиво положила ладонь ему на предплечье. Остановила.

Она смотрела на черную фигуру, и внутри нее что-то надломилось. Не страх. Страх остался где-то в детстве. Внутри нее вскипела холодная, белая ярость.

Аид говорил о конце. О разрушении.

И в эту секунду ее разум метнулся назад, выхватывая из глубин памяти самые темные, самые тошнотворные образы.

Она снова почувствовала тот влажный, хрустящий звук, когда лезвие ножа вошло в глазницу Икши. Услышала его нечеловеческий хрип, ощутила на своей щеке горячие, пульсирующие брызги его крови. Увидела его маленькие, полные животной паники глаза, в которых отражалась она сама - маленькая, страшная, абсолютная.

А следом, накладываясь друг на друга, как кадры испорченной киноплёнки, всплыл другой запах. Запах стерильности, формальдегида и старого переплетенного картона. Кабинет отца. Его холодные, мертвые глаза, смотревшие на нее не как на дочь, а как на интересный экспонат под микроскопом. Его пальцы в тонких латексных перчатках, касавшиеся ее кожи с пугающей, клинической аккуратностью. Ощущение себя не человеком, а объектом. Вещью, над которой ставят опыты. Ощущение, что ее душу медленно, по кусочкам, извлекают наружу, чтобы посмотреть, как она устроена.

Боль от этих воспоминаний была не эмоциональной. Она была физической. Она ударила под дых, перехватила горло, заставила сердце биться где-то в районе горла.

Ее тело двигалось быстрее мысли. Это был не осознанный выбор. Это был рефлекс, отточенный годами выживания в мире, где промедление означает смерть.

Правая рука Яны метнулась к поясу. Пальцы сомкнулись на холодной, рифленой рукояти тактического ножа.

Она не целилась. Она просто отпустила руку. Как её учили её мальчишки.

Тяжелое лезвие рассекло воздух с низким, угрожающим свистом. Оно летело точно в центр черной фигуры, в то место, где должно было быть сердце.

Но Аид не был обычным человеком.

Он даже не сделал резкого движения. Его тело просто... скользнуло. Минимальный, экономный уклон в сторону, почти неуловимый для глаза. Лезвие не вошло в цель. Оно лишь чиркнуло по краю капюшона и оставило на бледной коже щеки тонкую, аккуратную царапину.

Нож пролетел дальше.

Глухой, влажный удар.

Лысый, стоявший чуть позади и левее Аида, даже не успел понять, что произошло. Лезвие вошло ему в щеку, пробивая мягкие ткани и застревая в челюсти.

Мужчина взвыл. Звук был страшным, нечленораздельным. Он рухнул на колени, хватаясь обеими руками за лицо. Алая кровь хлынула сквозь пальцы, капая на грязный бетон.

- Бл***! С**а! - орал он, захлебываясь собственной кровью и слюной, его голос срывался на визг. - Глаз! С**а, глаз!

Худой и огромный мгновенно попятились, их лица исказились от ужаса. Кир и Ник развернулись, их оружие было направлено в сторону лысого, но Яна не смотрела на них. Она смотрела только на Аида.

Тот медленно поднял руку. Тонкие, длинные пальцы коснулись щеки. Он провел ими по царапине, собирая алую влагу. Посмотрел на запачканные кончики пальцев.

И рассмеялся.

Смех был сухим, трескучим, лишенным всякого веселья. Звук, от которого по коже поползли мурашки.

- Моя кровь, - тихо произнес он, и в его голосе прозвучала кривая, пугающая усмешка.

- Ха-ха-ха. Ты пролила мою кровь, девочка.

Он медленно опустил руку. В тени капюшона сверкнули глаза.

- Но это ничего не изменит.

И тут он резко вскинул правую руку. Короткий, отрывистый жест.

Из его широкого рукава на бетон с металлическим лязгом упал небольшой цилиндр.

- Дым! - рявкнул Ник, его голос мгновенно превратился в сталь. Он схватил Яну за плечо, разворачивая ее спиной к фигуре в балахоне. - Кир, прикрой!

Раздался резкий, шипящий звук. Из цилиндра под огромным давлением вырвалась густая, едкая, молочно-белая струя. Дым мгновенно заполнил пространство, ударив в легкие удушающим, химическим запахом. Он был настолько плотным, что через секунду Яна перестала видеть не только Аида, но и стоящего в метре от нее Ника.

- Кашляй в рукав! - голос Кира прозвучал где-то справа, глухо и искаженно. - Раф, к двери! Не дайте им уйти!

Яна зажала рот и нос рукавом куртки. Глаза слезились, горло перехватило спазмом. Она слышала тяжелые, быстрые шаги Рафа, слышала, как Ник выругался сквозь зубы, слышала стоны лысого, который все еще валялся на полу. Но шагов Аида не было слышно вообще. Ни шороха одежды, ни звука ботинок по бетону. Ничего.

Дым начал медленно рассеиваться, вытягиваясь в тонкие струи под потолком.

Там, где только что стоял Аид, была пустота. Только серый туман и медленно оседающая пыль. Он исчез. Растворился, как будто его никогда и не было.

Яна медленно опустила рукав. Ее сердце колотилось где-то в горле, но разум уже работал в режиме холодного анализа. Она сканировала пустое пространство, пытаясь понять, куда он мог деться. Гараж был окружен. Выходов было только два. И оба контролировались Рафом и Киром.

Но Аида не было.

И в этот момент, когда адреналин начал медленно отступать, оставляя после себя звенящую пустоту, ее мозг воспроизвел ту самую запись. Ту самую микросекунду, которую она упустила в момент броска.

Она закрыла глаза.

Перед тем как сказать «моя кровь». Перед тем как рассмеяться. Перед тем как поднять руку, чтобы бросить шашку... он выдохнул.

Это не был обычный выдох. Это был долгий, контролируемый, слегка свистящий выдох сквозь стиснутые зубы. Звук, с которым человек сбрасывает колоссальное, запредельное

напряжение. Звук, с которым подавляют физическую боль, которая стала настолько привычной, что превратилась в часть дыхания.

Яна резко открыла глаза. Холод прошел по спине, заставляя мышцы напрячься.

Этот выдох.

Она слышала его раньше.

Не в гаражах. Не в клубе. Не на улице.

Она слышала его в своей комнате в Коньково. Просыпаясь посреди ночи от кошмаров, когда воздух в квартире был неподвижным и тяжелым. Она чувствовала присутствие кого-то в темноте, стоящего у самой кровати. И этот кто-то дышал. Медленно. Ровно. С тем самым, едва уловимым свистом на выдохе.

Она слышала его в школе, когда сидела на задней парте и чувствовала на себе чужой, тяжелый взгляд, от которого кожа покрывалась мурашками.

Она слышала его даже тогда, когда смотрелась в зеркало и пыталась успокоить себя после очередной панической атаки.

Кто выдыхал так же? Кто держал в себе столько боли, что она прорывалась наружу вместе с воздухом? Кто научился дышать через эту боль, превратив ее в ритм собственной жизни?

Яна медленно обернулась. Посмотрела на Кира, на Ника, на Тимура.

Нет. Не они. У них было другое дыхание. У них была другая боль.

Тогда кто?

Кто в ее жизни дышал так же, как Аид?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и липкий, как этот еще не до конца рассеявшийся дым. Яна медленно сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Она найдет ответ. Обязательно найдет.

Потому что она знала одно: этот выдох был ключом. Ключом к тому, кто такой Аид на самом деле. И когда она повернет этот ключ, мир вокруг нее, возможно, рухнет.

Но Карма не боится руин. Карма строит на них новые миры.

А где-то далеко, в темных переулках Москвы, в тонированном фургоне, сидел человек.

Он смотрел на свою щеку. На тонкую царапину. На алую каплю крови.

И медленно, методично, вытирал ее пальцем.

- Моя кровь, - тихо сказал он. - Ха-ха-ха.

И рассмеялся.

Звук был сухим, неприятным.

Звук человека, который смеется не от радости.

От понимания.

От того, что игра только началась.

И он... он уже выиграл. Этот раунд так точно.

Потому что он задал ей вопрос.

Вопрос, на который она не знает ответа.

Вопрос, который будет мучить ее. Каждый день и каждую ночь.

Кто выдыхает так же, как она?

Кто держит боль внутри?

Кто научился дышать через нее?

Кто...

Он медленно выдохнул. Медленно. Ровно. С тем самым, невидимым свистом.

И улыбнулся.

Потому что он знал. Знал, что она найдет ответ. И когда она найдет... Тогда начнется настоящая игра.

Игра, в которой нет правил. Нет границ и пределов. Игра, в которой... она должна выиграть. Или погибнуть.

И он... он будет рядом. Всегда.

Потому что он Аид.